ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИРКУТСКѢ.

Время неумолимо изглаживаетъ всѣ старинные обычаи и преданія. Въ столицахъ это не такъ замѣтно, какъ въ отдаленныхъ городахъ, гдѣ, въ-продолженіе недолгаго времени человѣческой жизни, видимъ такія измѣненія, что бывшее за пятьдесятъ лѣтъ кажется иногда баснословнымъ или принадлежащимъ древней исторіи. Въ этомъ отношеніи, преданія города Иркутска, мнѣ кажется, могли бы быть драгоцѣнны для познанія старинной Руси. Этотъ городъ, хотя и находится въ глубинѣ дальней Сибири, хотя окруженъ полуварварскими азіятскими народами или *народцами*, и скорѣе сосѣдъ Китая, нежели Россіи; однако, съ самаго основанія своего и до нашего времени, представлялъ видъ чисто-русскаго города. Онъ даже болѣе многихъ городовъ настоящей Россіи напоминалъ собою старинный русскій бытъ: могу свидѣтельствовать о томъ, потому-что знала его въ-продолженіи многихъ лѣтъ, и жила потомъ во многихъ изъ главныхъ и древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Такое явленіе казалось бы страннымъ, еслибъ причина его не была объяснима очень-естественно. Населеніе Иркутска составилось изъ пріѣзжавшихъ по дѣламъ торговымъ и потомъ остававшихся тамъ на житье купцовъ, большею частію уроженцевъ Сѣверной Россіи—Сольвычегодска, Тотьмы, Вологды и вообще тамошней полосы. Казаки и дѣти боярскія также были чистые Русскіе, и, можно сказать, цвѣтъ русскихъ искателей приключеній. Все это, въ-продолженіе времени, образовало населеніе превосходное, чисто-русское, и замѣчательное умомъ и способностями. Даже общая, первоначальная образованность распространена въ Иркутскѣ больше, нежели во многихъ русскихъ городахъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, что нигдѣ не видала я такой общей страсти *читать*. Въ Иркутскѣ издавна были библіотеки почти у всѣхъ достаточныхъ людей, и литературныя новости получались тамъ постоянно. Чтеніе—лучшій просвѣтитель ума, и соединеніе его съ бытомъ чисто-русскимъ издавна образовало въ Иркутскѣ общество, чрезвычайно оригинальное и вмѣстѣ просвѣщенное. Тамъ любятъ литературу, искренно разсуждаютъ о разныхъ ея явленіяхъ, и, могу прибавить, не чужды никакихъ новостей европейскихъ. Азію и Америку, эти части свѣта, всего больше славныя своею природою и богатствомъ, знаютъ тамъ многіе по сношеніямъ съ ними и по разсказамъ бывалыхъ людей, но знаютъ и изъ печатныхъ описаній лучше, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи, потому-что интересуются ими. Спросите у какого-нибудь кореннаго купца русскихъ городовъ объ Америкѣ, объ Ост-индіи: онъ едва ли слыхалъ о нихъ; а многіе иркутскіе жители знаютъ ихъ не хуже родной имъ Россіи. Самый образъ тамошнихъ дѣлъ и промышлености — требующій смѣлости, безпрерывно новыхъ соображеній и нѣкоторыхъ свѣдѣній, способствовалъ направленію общества къ образованности, ибо извѣстно, что промышленость и торговля, не ограничивающіяся только дѣлами своего города, всего больше способствуютъ развитію умовъ и общей образованности. Отъ-того являлись въ Иркутскѣ, между торговымъ сословіемъ, люди необыкновенные и множество лицъ достопамятныхъ и оригинальныхъ. Не говоря о старинномъ героѣ сибирской промышлености, Лебедевѣ-Ласточкинѣ и его товарищахъ, скажу о нѣсколькихъ лицахъ, которыхъ я даже видала въ юности своей, а отецъ мой былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ ними, и потому я знаю ихъ довольно подробно. Самый достопамятный изъ нихъ, конечно, Григорій Ивановичъ Шелеховъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный, если не назовемъ его геніальнымъ. Онъ извѣстенъ всѣмъ какъ человѣкъ усвоившій своему отечеству

русскую Америку, извѣстенъ и привѣтствіями за то поэтовъ; но немногіе въ наше время знаютъ, какой силы ума и характера былъ этотъ человѣкъ! Не столько богатства, сколько славы жаждала его огненная душа, и препятствія въ жизни какъ-будто не существовали для него: онъ все преодолѣвалъ своею непреклонною, желѣзною волею, и окружавшіе не даромъ называли его: «пламя пящее». За то, это пламя и сожгло его преждевременно: онъ умеръ еще не въ старыхъ лѣтахъ, когда придавалъ новые, огромные размѣры своимъ предпріятіямъ. Ученикомъ школы его былъ Александръ Андреевичъ Барановъ, столько же твердый и строгій, какъ Шелеховъ, но неимѣвшій его дарованій. Въ наше время довольно часто пишутъ о Барановѣ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ; но его жизнь и подвиги въ-сравненіи съ тѣмъ, что былъ и что сдѣлалъ Шелеховъ — идиллія въ-сравненіи съ Иліадой. Въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ обоими былъ мой отецъ, о которомъ уже писалъ въ своей автобіографіи покойный братъ мой, Николай Алексѣевичъ Полевой. Отецъ мой былъ также человѣкъ необыкновенный умомъ, силою воли, и образованностью. Въ немъ только не было жосткости Шелехова; но въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ достойнымъ его противникомъ, долго управляя въ Сибири дѣлами своего дяди, Ивана Ларіоновича Голикова, товарища Шелехова, который вѣчно ссорился съ Голиковымъ и отъ-того былъ также непріятелемъ отца моего. Только подъ конецъ жизни покорителя Русской Америки они сблизились и даже были друзьями. Много добраго обѣщалъ союзъ двухъ такихъ людей; но неумолимая смерть низвела Шелехова въ гробъ и была причиной разныхъ огорченій и даже несчастій для моего отца. Тогда-то, изъ обломковъ дѣлъ Шелехова и Голикова составилась нынѣшняя Россійско-Американская Компанія, основанная по мысли моего отца, который не только обдумалъ, но даже составилъ и изложилъ всѣ уставы, по которымъ образовалась и первоначально дѣйствовала компанія. Кто не согласится, что люди, дѣйствовавшіе въ такихъ размѣрахъ, не были похожи на многихъ изъ своихъ собратовъ, которые только то и дѣлаютъ, что дѣлывали ихъ праотцы; напротивъ, тѣ разливали вокругъ себя свѣтъ просвѣщенной дѣятельности, распространяли промышленость цѣлой страны. Не могли быть они обыкновенными людьми и въ общественной и домашней жизни, а отъ-того вокругъ нихъ и вблизи ихъ образовались также люди отличные. Петербургъ помнитъ недавнюю утрату, какую понесла Американская Компанія въ почтенномъ директорѣ своемъ Кириллѣ Тимоѳеевичѣ Хлѣбниковѣ; а онъ былъ въ молодости своей прикащикомъ при моемъ отцѣ, о которомъ и отзывался съ уваженіемъ и признательностью въ запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ прежнемъ «Сынѣ Отечества»... Могу увѣрить, что по-крайней-мѣрѣ въ прежніе годы, встрѣча съ такими людьми не была въ Иркутскѣ рѣдкостью. До-сихъ-поръ, названіе *Сибиряка* заключаетъ въ себѣ понятіе о человѣкѣ проницательномъ и находчивомъ—очень-справедливо. Развязности ума ихъ и—какъ выражается Батюшковъ—*людкости* способствовало, конечно, и то, что въ Сибирь, и именно въ Иркутскъ, отправлялось всегда много людей, замѣчательныхъ по разнымъ отношеніямъ, и они незамѣтно распространяли вокругъ себя образованность, по-крайней-мѣрѣ между избраннѣйшими людьми. Я уже не помню екатерининскихъ вельможъ, бывшихъ тамъ генерал-губернаторами и губернаторами; но знаю достовѣрные разсказы о великолѣпномъ Якоби (генерал-губернаторѣ) и Ламбѣ (губернаторѣ). Замѣчательно, что оба они были британскаго происхожденія, и по службѣ сдѣлались непримиримыми врагами. Ламбъ, кажется, имѣлъ на своей сторонѣ правоту, и большая часть почетнѣйшихъ жителей присоединилась къ

ному. Любопытная эта борьба длилась довольно долго, покуда проницательная Екатерина не отозвала Якоби. Эпоху въ исторіи образованности Иркутска составило посольство графа Головкина въ Китай. По извѣстнымъ недоразумѣніямъ съ китайскимъ правительствомъ, посолъ долго оставался въ Иркутскѣ — и это не могло не имѣть вліянія на обычаи и даже образованность гражданъ, ибо въ свитѣ посольства первенствовали люди знатные, богатые, ученые. Тогда вошли въ моду даже многіе свѣтскіе обычаи. Въ числѣ достопримѣчательнѣйшихъ генерал-губернаторовъ въ Иркутскѣ были, на моей памяти — Леццано, Селифонтовъ, и наконецъ Сперанскій. Помню, что на Сперанскаго смотрѣли, какъ на великаго человѣка, и какъ въ великомъ человѣкѣ замѣчали даже малѣйшіе его поступки. Его образъ жизни, его манера обращаться, его мнѣнія, все было наблюдаемо, пересказываемо, и служило образцомъ для многихъ.

Изъ числа достопамятныхъ военныхъ, помню въ дѣтствѣ моемъ двухъ человѣкъ, бывшихъ въ-послѣдствіи героями войнъ Александра. Это были генералы А. А. Сомовъ и Казачковскій. Жизнь и характеръ перваго изъ нихъ очень-любопытны и вовсе неизвѣстны, почему я и скажу, что знаю о немъ вѣрнаго изъ разсказовъ моего отца, который былъ искреннимъ его другомъ. Андрей Андреевичъ Сомовъ, по обычаю дворянъ въ царствованіе Екатерины, былъ записанъ въ военную службу съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже чинъ капитана, но вовсе не занимался службою, и весело проводилъ свое время въ Москвѣ. Онъ былъ привлекателенъ наружностью, обхожденіемъ, и талантами. Особенно замѣчателенъ былъ его талантъ въ музыкѣ: онъ имѣлъ прекрасный голосъ и мастерски игралъ на мандолинѣ, инструментѣ совершенно забытомъ въ наше время, да и въ старину не очень употребительномъ. Это родъ гитары, и на немъ-то Сомовъ любилъ аккомпанировать своему пріятному голосу. Иногда, онъ много часовъ, одинъ въ своей комнатѣ, проводилъ въ музыкальныхъ занятіяхъ, и какъ-будто забывалъ въ это время цѣлый міръ. Вообще онъ имѣлъ голову романическую, задумчивое лицо и чрезвычайно нравился женщинамъ. Находясь въ свѣтскомъ кругу, онъ переходилъ отъ одного успѣха къ другому, но наконецъ въ сердцѣ его вспыхнула истинная страсть къ одной богатой и знатной дѣвицѣ. Онъ былъ любимъ ею взаимно, и когда высказалъ ей намѣреніе свое просить ея руку — она рѣшительно отвѣчала ему, что не пойдетъ за него, покуда онъ не будетъ въ генеральскихъ эполетахъ. Можетъ-быть, и эта дѣвица была также романическая голова, и потому желала, чтобъ онъ, какъ рыцарь, доказалъ ей свою любовь и заслужилъ ея руку военными подвигами. Напрасно Сомовъ говорилъ ей, что это можетъ надолго и даже навсегда отсрочить ихъ счастіе, что чины и почести иногда зависятъ отъ случайностей, которыя не всегда встрѣчаются, словомъ, онъ сказалъ все, что можетъ сказать страстно-влюбленный, у котораго изъ рукъ улетаетъ счастье—своенравная красавица его была неумолима и такъ умѣла подстрекнуть его воображеніе, что онъ поклялся явиться передъ нею не иначе, какъ генераломъ, но взялъ и съ нея клятву, что она до-тѣхъ-поръ не будетъ принадлежать никому другому.

Немедленно пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и вступилъ въ дѣйствительную службу. Это было въ самомъ началѣ царствованія императора Павла. Случай, который могъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія, сдѣлался началомъ блестящаго поприща Сомова. Въ то время, офицеры бывшіе часто въ свѣтскомъ кругѣ худо соблюдали правила дисциплины, которую началъ вводить во всей должной точности новый императоръ. Сомовъ, однажды зимою, ѣхалъ въ саняхъ, въ офицерской формѣ, но въ надѣтой шу-

вѣ, что было запрещено. Неожиданно на встрѣчу санямъ его подъѣхалъ самъ императоръ... Сомовъ сбросилъ съ себя шубу, и сталъ въ саняхъ. Экипажъ императора остановился, и, по данному знаку, Сомовъ долженъ былъ подойдти къ нему. Вопросы императора сначала были строги, но искренность, откровенность отвѣтовъ, и, можетъ-быть, умная, пріятная наружность виновнаго смягчили высокую душу Павла. Онъ приказалъ записать имя Сомова, и черезъ нѣсколько времени произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Не знаю подробностей, но знаю только, что императоръ обратилъ на него особенное вниманіе, и вскорѣ назначилъ его исполнить важное порученіе—устроить и собрать въ Иркутскѣ батальйонъ и перевести его въ Камчатку. Сомовъ былъ тогда уже въ чинѣ полковника. Онъ отправился въ Иркутскъ, занялся даннымъ ему порученіемъ дѣятельно, и съ успѣхомъ окончилъ. Возвратившись изъ Камчатки, онъ, кажется, еще въ Иркутскѣ, гдѣ оставался нѣсколько мѣсяцевъ для какихъ-то распоряженій—получилъ чинъ генерал-майора. Во все это время онъ жилъ въ домѣ моего отца, и радовался сколько неожиданному своему счастію по службѣ, столько и тому, что можетъ *повергнуть къ стопамъ возлюбленной* любовь свою, съ правомъ на ея руку. Между-тѣмъ, прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ взаимной клятвы. По пріѣздѣ въ Москву, Сомовъ спѣшилъ въ домъ милой сердцу его — и узналъ, что она уже замужемъ!.. Можно представить себѣ тоску и грусть человѣка истинно-чувствительнаго... Никогда не могъ онъ утѣшиться въ этомъ разрушеніи всѣхъ плановъ своего счастья, и едва не впалъ въ меланхолію. Къ-счастію, военная служба и успѣхи въ ней развлекли его. Сомовъ сдѣлался въ-послѣдствіи отличнымъ генераломъ. Имя его встрѣчаемъ въ исторіи войнъ 1806, 1807, 1808 и 1809 годовъ. До начала войны 1812 года, онъ вышелъ въ отставку, и разстроенное здоровье помѣшало ему участвовать въ отечественной войнѣ. Въ отставкѣ онъ женился и кончилъ свои дни въ безвѣстности. Только знавшіе его сохраняютъ о немъ память, какъ о человѣкѣ образованномъ, пріятномъ, истинно-благородномъ.

Кромѣ лицъ историческихъ, въ Иркутскѣ всегда встрѣчались люди, замѣчательные и въ обыкновенномъ кругу. Бывали также оригиналы, искатели приключеній. Къ числу оригиналовъ и даже историческихъ лицъ, принадлежитъ извѣстный мореплаватель Хвостовъ, котораго имя неразлучно съ именемъ друга его Давыдова: они жили и умерли вмѣстѣ. Жизнь ихъ описана оффиціально покойнымъ адмираломъ Шишковымъ и приложена къ изданному имъ сочиненію Давыдова: «Двукратное путешествіе въ Америку». Но еслибъ можно было изобразить Хвостова въ обыкновенномъ, *домашнемъ* быту — это показало бы въ немъ лицо чрезвычайно оригинальное и даже поэтическое. Самая мысль его — завоевать Японію, могла родиться только въ его пламенной головѣ. Потомъ его бѣгство отъ охотскаго начальства въ Иркутскъ, его подвиги во время финляндской войны, самая смерть его—все это необыкновенно. И во всѣхъ подвигахъ и случаяхъ его жизни былъ неразлученъ съ нимъ Давыдовъ, младшій лѣтами, но совершенно-противоположный ему степенностью, основательностью, отчетливостью въ каждомъ поступкѣ. Какъ могли эти два человѣка сдѣлаться истинными Орестомъ и Пиладомъ—непостижимо! Оба они были самыми искренними, ближайшими друзьями моего отца, и потому я знаю о нихъ множество анекдотовъ. Вотъ одинъ, который можетъ служить доказательствомъ силы характера или воли Хвостова. Отецъ мой завѣдывалъ тогда дѣлами Россійско-Американской Компаніи въ Иркутскѣ и Охотскѣ, а Хвостовъ и Давыдовъ служили офицерами на корабляхъ Компаніи. Однажды, осенью, надобно было имъ выѣ-

стѣ возвращаться изъ Охотска въ Иркутскъ. Извѣстно, что весь этотъ путь совершается верхомъ, черезъ непроходимые лѣса и дебри, гдѣ всѣ потребности жизни надобно имѣть съ собою. Опытный въ такихъ поѣздкахъ, отецъ мой сказалъ Хвостову: «Николай Александровичъ! Что жь ты не запасаешься теплымъ платьемъ въ дорогу? Вѣдь знаешь, что насъ захватятъ жестокіе морозы и снѣгъ».—А что жь такое? отвѣчалъ Хвостовъ.—Я не боюсь ни морозовъ, ни снѣгу! Отецъ мой напоминалъ ему еще не разъ о теплой одеждѣ, но тотъ всякой разъ беззаботно отговаривался отъ нея. Безъ вѣдома его, отецъ мой велѣлъ изготовить ему шубу, теплые сапоги, шапку, и всѣ необходимыя зимнія принадлежности. Онъ приказалъ все это взять съ собою, и они вмѣстѣ выѣхали изъ Охотска. Вскорѣ Хвостовъ началъ ощущать якутскій холодъ и дрожать въ своей лѣтней одеждѣ. Тогда, отецъ мой съ торжествомъ велѣлъ вынуть приготовленную для него теплую одежду. Хвостовъ вспыхнулъ, зашумѣлъ и отказался отъ пріятельской услуги моего отца. Напрасно тотъ представлялъ ему невозможность пробыть на зимнемъ холодѣ много дней безъ теплой одежды. «Не хочу! не надо!» кричалъ Хвостовъ. «Развѣ я ребенокъ? баба? развѣ ты умнѣе меня?» И онъ до самаго Якутска, не слушая нѣсколько разъ повторенныхъ ему предложеній, доѣхалъ въ лѣтней шинели, въ кожаной фуражкѣ, въ обыкновенномъ сюртукѣ. Правда, онъ жестоко страдалъ и много пилъ рому—но устоялъ на своемъ!

Во время экспедиціи въ Японію, когда жители защищались отъ его нападенія, стрѣла, пущенная со стороны непріятелей, вонзилась ему въ плечо. Были примѣры, что стрѣлы ихъ, напитанныя ядомъ на острѣ, причиняли неминуемую смерть. Когда Хвостову напомнили о томъ, онъ, не переставая распоряжаться, сбросилъ съ себя мундиръ, обнажилъ уязвленное мѣсто, велѣлъ насыпать на него пороху, и зажечь. Рану перевязали, и онъ даже не упоминалъ о ней больше.

Такихъ примѣровъ его присутствія духа извѣстно очень-много. Дѣйствуя всегда по внушенію благороднаго сердца, онъ рѣдко бывалъ виноватъ въ самыхъ бурныхъ своихъ увлеченіяхъ. Нѣсколько разъ въ жизнь свою бывалъ онъ подъ судомъ, но всегда оправдывался съ честію.

Упомянувъ объ оригиналахъ и искателяхъ приключеній, я приведу нѣсколько чертъ изъ жизни одного такого героя, котораго видала и помню, потому-что онъ бывалъ во всѣхъ порядочныхъ домахъ въ Иркутскѣ. Умалчивая о настоящей его фамиліи, скажу только, что его вообще называли *Куликанъ*, вѣроятно отъ-того, что онъ любилъ *куликать*, хотя въ обществѣ являлся всегда самымъ изъисканнымъ щеголемъ, какъ объясню я далѣе. Происхожденіемъ онъ былъ купецъ, одного города Средней Россіи, гдѣ люди его сословія были почти всѣ староверы. Жены и дочери ихъ сидѣли взаперти; наряды у нихъ оставались прадѣдовскіе, и всѣ новые обычаи казались имъ ненавистными. Можно вообразить, какъ ужасались они, видя, что молодой согражданинъ ихъ, г. Куликанъ, брѣетъ бороду, пудрится, щеголяетъ во французскихъ кафтанахъ, и ведетъ знакомство только съ *барами*. Онъ прослылъ язвой и чумой, и всѣ почитали за долгъ удаляться отъ его знакомства. На бѣду, онъ какъ-то увидѣлъ дочь одного изъ почтеннѣйшихъ гражданъ, влюбился въ нее и заставилъ ее полюбить себя. Вѣроятно, все это дѣлалось черезъ *косящатыя окошки* и посредствомъ услужливыхъ кумушекъ-старушекъ. Какъ бы то ни было, увѣрившись во взаимной любви своей возлюбленной, г. Куликанъ отправилъ сваху по формѣ къ отцу ея. Старикъ пришелъ въ гнѣвъ, въ ужасъ отъ такого дерзкаго предложенія, разбранилъ и прогналъ сваху. Тогда г. Куликанъ самъ отправился къ нему и постучался въ ворота, вѣчно-запертыя. Послѣ нѣсколько-разъ

повтореннаго стука мѣднымъ кольцомъ, калитка воротъ отворилась: въ ней стоялъ самъ хозяинъ. «Что вамъ угодно, государь мой?» спросилъ онъ, едва удерживая свой гнѣвъ. — «Мнѣ нужно поговорить съ вами о дѣлѣ, сердечномъ для меня и для васъ, Иванъ Борисовичъ . . . проговорилъ Куликанъ.» — Говори, а я буду слушать, отвѣчалъ гордо старикъ. — «Дѣло не такое, чтобъ говорить о немъ здѣсь, Иванъ Борисовичъ! дѣло сердечное, касательно вашей дочери...» — «Какъ ты смѣешь упоминать о моей дочери, неголяй!» заревѣлъ старикъ всею русскою грудью. — «Ты осмѣлился предлагать себя въ женихи ей черезъ сваху, а теперь вздумалъ еще и самъ явиться съ тою же наглостью!.. А вотъ я проучу тебя!» И онъ замахнулся длинною тростью, которая была въ рукахъ у него. Ловкій щеголь отскочилъ отъ него на середину улицы, выпрямился, оперся на свою модную трость, и твердо, но хладнокровно сказалъ:

— Послушай же ты, безумный старикъ! Я прислалъ къ тебѣ сваху съ честнымъ предложеніемъ — ты прогналъ ее; я являюсь самъ, ты не даешь выговорить слова, ругаешься, готовъ драться!.. Такъ знай же, что дочь твоя будетъ моею женою и безъ твоего согласія!

— Ахъ ты, прощелыга! кричалъ Борисовъ. — Стыдно мнѣ срамить себя, а то измололъ бы всѣ кости твои! Прочь, и не смѣй подходить близко къ моимъ воротамъ.

— Ты непросвѣщенный гордецъ, невѣжда, но ты отецъ будущей моей жены — и я прощаю тебя! возразилъ Куликанъ. — Да, знай, что ни замки, ни затворы, ни сторожа, ни запретъ твой, ничто не помѣшаетъ мнѣ жениться на твоей милой Машѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ исполнилъ свое слово: не щадилъ ни денегъ, ни даже жизни своей, вошелъ въ сношенія съ Марьей Ивановной Борисовой, умѣлъ ослѣпить или подкупить всѣхъ окружавшихъ ее — и увезъ ее, а въ ближайшемъ городѣ обвѣнчался съ нею. Нѣчего доказывать, что она раздѣляла его страсть и способствовала своему похищенію. Но послѣ этого, имъ уже нельзя было жить въ одномъ городѣ съ отцомъ, и они уѣхали въ Москву. Надобно вспомнить, что это происходило лѣтъ восемьдесятъ назадъ, и тогда невольно спросишь себя: какъ могъ образоваться такой характеръ въ глуши, посреди староверовъ, гдѣ малѣйшее отступленіе отъ прадѣдовскихъ обычаевъ почиталось почти преступленіемъ? Но это было только началомъ приключеній г-на Куликана. Въ Москвѣ, онъ началъ тѣмъ, что помѣстилъ свою молоденькую жену въ пансіонъ, учиться танцовать, играть на клавикордахъ и болтать по-французски. Онъ выписывалъ ей и себѣ наряды изъ Парижа, и наконецъ такъ укомплектовалъ свой гардеробъ, что у него самого было триста-шестьдесятъ-пять кафтановъ, а у жены его столько же платьевъ и паръ башмаковъ, то-есть, перемѣна на каждый день года. Бѣлье свое и жены своей посылалъ онъ мыть въ Голландію. Страсбургскіе пироги были у него обыкновеннымъ блюдомъ. Для стола его всегда откармливались индюки и другія птицы — миндалемъ!.. Можетъ-быть, читатели подумаютъ, что я пересказываю сказку изъ «Тысячи-Одной Ночи»; но могу увѣрить, что все это было точно такъ. Разумѣется, у человѣка, живущаго богато и роскошно, всегда бываетъ много друзей, и потому у г-на Куликана было въ Москвѣ самое избранное общество. Онъ и жена его переняли и приняли свѣтскія манеры. Я знала ихъ, когда они были уже не въ молодыхъ лѣтахъ, и, признаюсь, немного встрѣчала я людей, столько пріятныхъ въ обхожденіи. Какая-то особенная вѣжливость, кротость и непринужденность отличала ихъ. Важный вопросъ: откуда бралъ г. Куликанъ деньги для своихъ огромныхъ расходовъ — былъ и остается загадкою. Извѣстно, однакожь, что иногда онъ крайне нуждался въ деньгахъ, закладывалъ и продавалъ самыя необходимыя вещи, и опять, чрезъ нѣсколько

времени, начиналъ жить съ прежнею роскошью. Вѣроятно, онъ велъ большую игру, потому-что всѣ знаменитые современные игроки были друзья его, и самъ онъ былъ генiй во всѣхъ карточныхъ играхъ; но рѣдко видали его съ картами въ рукахъ, и онъ игралъ, по-видимому, только для забавы, для партiи въ небольшую игру, и до старости казался только добродушнымъ вѣтренникомъ. Кажется, больше для виду, нежели дѣйствительно, онъ имѣлъ и нѣкоторыя торговыя дѣла, прожилъ даже нѣсколько лѣтъ въ Сибири, отчасти по дѣламъ Россiйско-Американской Компанiи, изумлялъ Иркутскъ своими прихотями и роскошью, ѣздилъ въ Америку, и вскорѣ послѣ этого былъ пораженъ параличемъ. Въ это бѣдственное для него время, уже въ старыхъ лѣтахъ, онъ неожиданно получилъ наслѣдство: умеръ отецъ его жены, который никогда не видалъ ея послѣ бѣгства изъ родительскаго дома, проклиналъ похитителя ея, и былъ жестокосердъ до послѣднихъ дней своей жизни. Передъ смертью, онъ простилъ непокорную дочь и не лишилъ ея наслѣдства, которое оказалось значительнымъ. Замѣчательно, что г. Куликанъ, этотъ маршалъ Ришльё въ маломъ видѣ, испытавшiй въ жизни своей всю роскошь и нѣгу, жилъ въ послѣднiе годы такимъ же старовѣромъ, какъ и другiе согражлане его. Возвратившись къ нимъ, разбитый параличемъ, онъ отпустилъ длинную бороду, нарядился въ длиннополый сюртукъ, и на костыляхъ ковылялъ въ церковь къ каждой службѣ, а остальное время лежалъ или читалъ церковныя книги.

Изъ разсказовъ моихъ можно видѣть, что жизнь образованнаго класса въ Иркутскѣ была совершенно европейская; что тамъ всегда было общество избранное, гдѣ являлись многiе люди, достопамятные или замѣчательные по разнымъ отношенiямъ. Но это не мѣшало въ томъ же городѣ сохраняться всѣмъ чисто-русскимъ обычаямъ и преданiямъ. Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто-русскiе, и если бы не противная интонацiя или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенiя и пониженiя голоса, эти грубыя ударенiя на *о*—чрезвычайно непрiятны, особенно тому кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что таковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана. Въ Иркутскѣ, какъ и въ другихъ отдаленныхъ отъ столицъ городахъ, многiе предметы имѣютъ свои областныя названiя; много сохранилось старинныхъ словъ, которыя не употребляются больше въ языкѣ современномъ. Для изучающихъ русскiй языкъ ученымъ образомъ, любопытно было бы узнать ихъ, потому-что они, по-крайней-мѣрѣ, поясняютъ другiя слова. Цѣлыя выраженiя книжныя сдѣлались также какъ-бы пословицами или поговорками. Прежде употребляли много выраженiй священнаго писанiя, и до-сихъ-поръ остаются изъ нихъ нѣкоторыя въ общемъ употребленiи между народомъ. На-примѣръ, часто услышите: «Не насытится око зрѣнiемъ, умъ богатствомъ»; «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе труждается», «Гордымъ Богъ противится», «Послушанiе паче поста и молитвы», «Не останется камень на камени», и много подобныхъ.

Замѣчательно, что старики, совершенно Русскiе по своему воспитанiю и образу жизни, еще не такъ давно употребляли въ обыкновенномъ разговорѣ множество старинныхъ словъ русскихъ и изъ церковнаго языка; употребляли даже цѣлыя рѣченiя, которыя можно было бы вставить въ любую лѣтопись. Это ясно показываетъ, что не только *до* временъ Петра, который ввелъ въ языкъ нашъ много словъ иностранныхъ и еще больше словъ и даже цѣлыхъ фразъ, *переведенныхъ* съ иностраннаго—но и *долго послѣ* Петра-Великаго, удерживался совсѣмъ не тотъ языкъ, которымъ говорятъ теперь всѣ Русскiе. Кто въ наше время употребля-

онъ слова: *окаянный*, *красный*, *присный*, *оно*, *здравствовать*, *вскую?* — а я еще слыхала ихъ въ устахъ стариковъ. Они употребляли даже цѣлыя изрѣченія, составленныя въ какомъ-то старинномъ духѣ. Одинъ почтенный старецъ, слыша о побѣдахъ Суворова, обыкновенно восклицалъ: «Дай, Боже, здравствовать господину Суворову!» Екатерину Великую называлъ онъ не иначе какъ: «Матушка-Царица», или: «Матушка-Императрица». Изъ разговоровъ такого старца можно было бы составить цѣлый словарь стариннаго русскаго языка.

Кстати, приведу здѣсь нѣсколько словъ и нарѣченій, которыя случалось мнѣ слыхать отъ старыхъ людей не въ одномъ Иркутскѣ.

Слова: «прекрасно», «превосходно», «изящно», «прелестно», они замѣняли, гдѣ приходилось кстати, своими словами; на-примѣръ, вмѣсто: «прекрасный день», говорили: «красный день», такъ же какъ говорили: «красная дѣвица», «красное солнышко», или «солнце», «красная жизнь», «красныя дѣти» (когда было двое дѣтей, сынъ и дочь); «красное крыльцо» значило парадное крыльцо; хорошее лѣто—«красное лѣто». Если кто провелъ жизнь свою счастливо, про того говорили: «жилъ красовался», или: «жили золото вѣсили»; а кто провелъ жизнь весело, о томъ выражались: «было попито, поѣдено, икраснѣ, вхорошѣ похожено». Золото называли также краснымъ.

Слова: «добрый», «добро», также примѣнялись ко многому. Говорили: «Добрая олёжа (одежда)», «добрая шуба», «добрая мука», «доброе пиво». Имущество, пожитки называли «добромъ».

Хваля, говорили: «Какъ наливное яблочко, какъ дыня, какъ мытая рѣпочка, какъ маковъ цвѣтъ, какъ лебедь бѣлый». Упоминая о лунѣ, или примѣняя къ ней что-нибудь, называли ее не иначе, какъ «свѣтёлъ мѣсяцъ»; упоминая о звѣздахъ, прибавляли: «частыя звѣзды». Громъ называли «милость Божія». Если загаралось отъ молніи, то говорили: «отъ милости Божіей».

Многіе изъ старыхъ людей были мастера прибавлять ко всякой рѣчи какую-нибудь поговорку или прибаутку, и здѣсь-то, мнѣ кажется, надобно искать настоящей игривости русскаго ума. Если въ разговорѣ встрѣчалось, на-примѣръ, слово о косѣ, то старикъ немедленно прибавлялъ: «русая коса, до шелкова пояса». О хозяинѣ и хозяйкѣ: «хозяинъ въ дому, какъ медвѣдь въ бору, а хозяюшка въ дому, какъ оладья въ меду». Не привожу здѣсь множества извѣстныхъ всѣмъ выраженій, каковы: «Очи сокольи, брови собольи, грудь лебединая, а походка павлиная». — «Милости просимъ хлѣба соли откушать, лебедя порушать». Обращаясь къ подчиненнымъ въ домѣ дѣвицамъ, старикъ непремѣнно прибавлялъ: «Охъ, вы, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы!»

Это было обычаемъ и принадлежностью всѣхъ разговорчивыхъ, веселыхъ стариковъ. Но между ними бывали исключительные сказочники или баюны, которые хота не сами выдумывали то, что разсказывали, но умѣли повторять старое со множествомъ шутокъ, прибаутокъ, вставныхъ выраженій, и притомъ съ какою-то веселостью, съ какимъ-то удальствомъ, которыя развеселяли и заставляли хохотать слушателей. Вступленіемъ къ разсказамъ ихъ была не одна извѣстная присказка: «На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ», и проч. Такихъ присказокъ было множество, и каждый даровитый разсказщикъ придумывалъ что-нибудь свое или прибавлялъ что-нибудь новое къ старому. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Вотъ начало вступленія:

«Помѣстье у меня большое, заведеніе «знатное: деревня на семи кирпичахъ «построена, рогатаго скота пѣтухъ да «курица, а мѣдной посуды крестъ да «пуговица; дѣдушка мой жилъ въ бо«гатствѣ, и мы съ нимъ вмѣстѣ варили «пиво къ батюшкину рожденью; варили

«семь дней, и наварили сорокъ бочекъ «жижи да жижи, а сорокъ бочекъ воды «да воды, хлѣба разнаго пошло семь «веренъ ячменю, да три ростка солоду, «а хмѣль повадя избы росъ. Проголо-«дался я добрый молодецъ, и свинья «по двору ходитъ такая жирная, что «плетъ, а кости стучатъ какъ въ мѣшкѣ; «хотѣлъ я отрѣзать отъ нея жиру ку-«сокъ, да ножика не нашелъ; такъ и «спать легъ; всталъ рано, захотѣлось «жевать пуще прежняго; пошелъ, взялъ «кусочекъ хлѣбца, хотѣлъ помочить «въ водѣ, да онъ въ ведро не пролѣзъ: «сухой и съѣлъ.»

Такую безтолковщину продолжалъ разсказщикъ покуда ума хватало, а слушатели безъ умолку смѣялись нечаянности разсказа его, которому придавалъ онъ выраженіе тономъ, пониженіемъ и повышеніемъ голоса, а кстати и движеніями. Затѣмъ начиналась самая сказка, гдѣ также событія отличались нелѣпыми сближеніями, и перемѣшивались съ разными приговорками и присказками. Почти каждая сказка оканчивалась свадьбою, и разсказщикъ прибавлялъ въ заключеніе: «Я тамъ «былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ те-«кло, а въ ротъ не попало; дали мнѣ «кафтанъ, я надѣлъ, иду путемъ-доро-«гою, а ворона летитъ да кричитъ: «сынь да хорошъ; а я думалъ: скинь да «покажь; скинулъ, положилъ подъ ку-«стикъ, пришелъ на завтра, только «мѣсто знать, а кафтана нѣтъ и не ви-«дать.» Такія окончанія, вступленія, и въ срединѣ разсказа безпрестанныя вставки, то-есть поговорки, прибаутки, нравоученія, присказки, извѣстныя поговорки, въ родѣ: «скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается», или: «это еще не сказка, а присказка, а сказка все впереди,» занимали много мѣста и составляли такую важную часть самаго разсказа, что нить или связь излагаемыхъ происшествій была не главное: главное было искусство разсказчика. Я слыхала удивительныхъ въ своемъ родѣ мастеровъ этого дѣла въ Иркутскѣ. Въ домѣ моихъ родителей былъ ночной сторожъ, или *карау-лыщикъ*, какъ тамъ называютъ: это былъ, можно сказать, необыкновенный разсказщикъ и замѣчательный по разнымъ отношеніямъ старикъ. Ему было тогда лѣтъ семьдесятъ, и хотя онъ былъ не великъ ростомъ и худощавъ, но здоровъ, всегда веселъ, и при томъ прожора и разсказщикъ неутомимый. Когда, вечеромъ, надѣвъ на себя охабень или тулупъ, онъ съ длинною дубиною выходилъ на свою ночную стражу, вокругъ него собирались всѣ свободные въ домѣ люди и упрашивали разсказать что-нибудь. Долго онъ отдѣлывался отъ нихъ шутками и прибаутками, и наконецъ, за хорошій *нюхъ* табаку, начиналъ непрерывный разсказъ. Окружавшіе его рады были слушать его хоть всю ночь, и обыкновенно имъ уже приказывали разойдтись. Случалось, что въ лѣтнія свѣтлыя ночи и отецъ мой подзывалъ его къ галереѣ своего дома, гдѣ онъ сиживалъ по вечерамъ, и заставлялъ Терентьича разсказывать. Главный интересъ его разсказа былъ въ его манерѣ разсказывать, потому-что сказки были все извѣстныя, кромѣ отдѣльныхъ анекдотовъ, которые онъ приводилъ всегда кстати. Напримѣръ, когда рѣчь доходила до мужика, солдата, дьячка, и тому подобныхъ лицъ, разсказщикъ почти всегда дѣлалъ небольшое отступленіе, въ родѣ слѣдующаго: «Солдатъ! А что такое солдатъ? человѣкъ Божій, и пр. Шла партія солдатъ по деревнѣ, и досталось одному солдату на квартиру къ старой старухѣ, такой коргѣ, что и вѣдьмы пугались ея. Солдатъ вошелъ къ ней въ избу, по христіански помолился, по-русски поклонился, и чествовалъ хозяйку добрымъ словомъ: «Здравствуй, бабушка-старушка, рада не рада гостю, а дай что-нибудь *поръвать*! — Да что же тебѣ *поръвать*, родимый мой?—отвѣчаетъ старуха, будто и не домекаетъ, что онъ голоденъ. —Была гдѣ-то веревка старая, да и ту ребятишки утащили. — «Ну, такъ нѣтъ ли у тебя чего *поклевать*? сказалъ солдатъ. — Да что же, родимый

похлебать! Овса, либо крупъ я не сѣю, а съ неба они не сыплются.—«Ну, такъ нѣтъ ли у тебя чего-нибудь *поѣсть*? сказалъ солдатъ ужь напрямки. — И, родимый, отвѣчаетъ старуха—я и сама третій день сухую ложку лижу, да тѣмъ и сыта. — «Ну, нѣтъ ли у тебя молочка, хлѣбца, курочки?—Нѣту, родимый, я сама давно ихъ невидывала. Постой же ты, старая вѣдьма, думаетъ про себя солдатъ. Научу я тебя царскихъ слугъ кормить — вдесятеро поплатишься.—«Такъ и сварить у тебя нѣчего?—Ничего нѣтъ, родимый.—«Ну, а вотъ подъ лавкой топоръ лежитъ. — Да что жь топоръ! вѣдь его не укусишь, родимый!—«Твоими зубами не укусишь, а наше дѣло солдатское. Я изъ него похлебку себѣ сварю, да съ похлебкой и съѣмъ. — Старуха ухмылялась: посмотрѣла бы, какъ ты станешь топоръ грызть!—«Разварю, да и съѣмъ!—Старуха ужь просто-за-просто засмѣялась! — Пожалуй, вари топоръ, а коли разваришь, такъ и кушай на здоровье.—«Ну, спасибо и за то, бабушка! Пойду же наберу хворосту, да разведу огонь, а ты воды приготовь въ чугункѣ. Служивый-то смекнулъ, что топоръ широкій, новенькій, вѣрно больше рубля стоитъ. Вотъ, онъ вышелъ изъ избы, подозвалъ товарища, и говоритъ: «Слушай меня: какъ увидишь, что изъ трубы въ квартирѣ моей сильный дымъ пойдетъ, подбѣги къ окошку, застучи, да и зови: сборъ де-скать, въ походъ. А ужь за то будетъ у насъ и добрый ужинъ, и по доброй чаркѣ водки. » — Воротился онъ въ избу съ охапкой хворосту, а старуха ужь и воды въ чугункѣ приготовила, и таганчикъ на шестокъ поставила, и трубу открыла. «Посмотрю, говоритъ, поучусь какъ топоры варятъ, да съ похлебкой ѣдятъ». А сама со смѣху помираетъ — думаетъ, провела я солдата-то; поваритъ, поваритъ топоръ, да такъ и уйдетъ. А солдатъ не унываетъ, разводитъ огонь подъ чугункой, да еще соли спрашиваетъ. «Дай, бабушка, соли — безъ нея невкусно будетъ. »— Возьми, родимый, на полицѣ. — Вотъ онъ взялъ соли, посыпалъ въ воду, а какъ вода стала закипать, такъ и топоръ опустилъ въ нее. Старуха сидитъ, да посмѣивается, а онъ кипятитъ воду, пробуетъ ее, да приговариваетъ: «нѣтъ, все еще сыръ, и навару не далъ! » Вотъ ужь вода давно ключемъ кипитъ, а онъ все только раздобариваетъ со старухой, да пробуетъ кипяченую воду. Старуха со смѣху помираетъ, а онъ и говоритъ, какъ-будто самъ съ собой: «Нѣтъ, видно, мало огня! Дай еще хворосту прибавлю на огонь». Прибавилъ, пошла трескотня, и дымъ повалилъ изъ трубы. А товарищъ-солдатъ какъ завидѣлъ изъ трубы сильный дымъ, подскочилъ къ окну, стучитъ и кричитъ: «Семенъ Семеновъ! Въ походъ! живо собираться къ капитанской квартирѣ! »—Ахти! закричалъ солдатъ:—какъ же быть-то? Взялъ желѣзную чумичку, вынулъ топоръ изъ кипятку, держитъ въ рукавицѣ, да и пробуетъ: «Сыръ еще, сыренекъ», говоритъ «да ужь нѣчего дѣлать: съѣмъ дорогой каковъ есть! Прощай, бабушка-старушка! Дай Богъ тебѣ здоровья: видала, какъ солдаты топоры варятъ и ѣдятъ? » И былъ таковъ съ топоромъ. А старуха потомъ разсказывала за диво, что солдатскими зубами и сырой топоръ разгрызть можно. »

Къ этому прибавлялось нѣсколько нравоученій, въ русскомъ духѣ сказанныхъ, и такая вставка только разнообразила главный разсказъ. Разумѣется, Терентьичъ говорилъ гораздо острѣе, выразительнѣе по-русски, нежели я съумѣла передать его слова. Это только «Фрейшицъ, разъигранный перстами робкихъ ученицъ».

Мнѣ кажется вообще, что занимательность и прелесть русскихъ сказокъ зависѣла больше отъ искусства разсказчиковъ, нежели отъ самаго содержанія ихъ. Сказки русскія вообще очень не замысловаты содержаніемъ, а какъ онѣ сохранились только въ изустныхъ разсказахъ, то теперь даже трудно узнать ихъ въ первобытномъ, оригинальномъ ихъ видѣ. Терентьичъ

встрѣчаются уже рѣдко, а что до-сихъ-поръ напечатано, то не даетъ понятія объ истинномъ разсказѣ русской сказки. Еще лучше изданія такъ-называемыя лубочныя, съ картинками, или съ *панкдми*, какъ выражаются въ Иркутскѣ; въ тѣхъ, по-крайней-мѣрѣ, издатели не мудрствовали, не стирали оригинальности съ разсказа; но другіе хотѣли улучшить его, и портили тѣмъ. Не думаю, чтобъ можно было теперь возстановить наши народныя сказки въ настоящемъ ихъ видѣ, ибо, повторяю, что не содержаніе, а разсказъ составлялъ все ихъ достоинство. Я упомянула, какъ разсказчики выказывали народное остроуміе при словахъ «солдатъ, дьячекъ, и тому подобныхъ. Но они останавливались мимоходомъ на множествѣ словъ, и поясняли ихъ какимъ-нибудь присловьемъ или разсказомъ. При словахъ: «ворона», «сова», «непогода», «ночь», «солнце», мѣсяцъ, и безчисленныхъ другихъ, бывали прибаутки и присказки. Все это теперь потеряно для насъ невозвратно.

Въ Иркутскѣ были и свои мѣстныя преданія и повѣрья. На лѣвомъ берегу Ангары, противъ города, есть мѣсто, называемое Царь-Дѣвица. Оно замѣчательно своею дикою красотою, на горномъ возвышеніи; замѣчательно и преданіемъ, поясняющимъ его названіе. Лѣтъ сто назадъ пріѣхала туда, неизвѣстно откуда, дѣвица, высокаго роста, красивая, и, какъ видно, очень неустрашимая, потому-что она одна-одинехонька поселилась на этомъ мѣстѣ, построила тамъ себѣ избушку, обнесенную частымъ тыномъ, держала злыхъ собакъ и не пускала къ себѣ никого. Она сама работала въ своемъ огородѣ, а для необходимыхъ пособій въ работѣ и для посылокъ въ городъ прихаживала къ ней старуха поселыщица. Она-то разсказывала про нее, какая она умница и разумница, какъ она, то работаетъ въ огородѣ, то сидитъ за книгами, а какъ заговоритъ о чемъ, то будто сладкимъ медомъ поитъ. Никто не смѣлъ подходить къ ея жилищу, а если кто отваживался на это, то она становилась въ своемъ дворѣ на какое-то возвышеніе и помавывала рукой, чтобъ онъ удалился; если же онъ не слушался, то она выпускала на него своихъ собакъ, и дерзкій нарушитель ея приказаній радъ былъ унести ноги. Она провела много лѣтъ такимъ-образомъ, и въ старости своей допускала къ себѣ нѣкоторыхъ изъ иркутскихъ жителей, которые являлись просить совѣта у нея въ трудныхъ случаяхъ, и возвращались въ восторгѣ отъ ея ума и краснорѣчія. Она умерла оставшись неизвѣстною, такъ-что никто не зналъ ни имени, ни происхожденія ея, но за мудрость и чистое поведеніе прозвали ее Царь-Дѣвицей. Избушка ея наконецъ истлѣла, исчезла, но мѣсто до-сихъ-поръ называется *Царь-Дѣвицей*.

Такихъ замѣчательныхъ почему-либо мѣстъ вокругъ Иркутска есть нѣсколько. Такъ, напримѣръ, *Шведово-Зимовье* получило свое названіе отъ-того, что въ старину жилъ тамъ въ зимовьѣ старикъ Шведъ, вѣроятно изъ плѣнныхъ, взятыхъ, можетъ-быть, Петромъ-Великимъ. Преданіе говорило, что тамъ было много кладовъ. Уже не было ни Шведа, ни зимовья, а проходившіе вечеромъ или ночью видѣли тамъ огоньки, видѣли даже, что самъ Шведъ выходилъ со свѣчей въ рукѣ и гасилъ ее, оборотивъ внизъ. Но кто рѣшался искать клада, тотъ обыкновенно заблуждался въ лѣсу и не находилъ даже самаго мѣста Шведова Зимовья. Вообще о кладахъ и богатствахъ вокругъ Иркутска было довольно преданій и разсказовъ. Не намекали ль они на золотоносныя богатства, открытыя въ наше время? Мнѣ не разъ приходило на память, что верстахъ въ двадцати отъ Иркутска есть два урочища, называемыя Малая и Большая-Рудоплавная. Преданіе говорило, что на мѣстѣ ихъ когда-то были заводы, гдѣ плавили руду; но какую, когда, и кто? неизвѣстно. Гораздо любопытнѣе таковая мѣстность: въ рудоплавной есть протокъ, точно какъ вырытый каналъ,

шириной не больше сажени, но очень-глубокій, и идущій, как я слыхала, издалека, изъ какихъ-то горъ. Почему бы не попытаться изслѣдовать эту мѣстность и преданіе о рудѣ: можетъ-быть, тутъ открылся бы богатѣйшій золотой пріискъ? Въ преданіяхъ бываетъ иногда смыслъ.

Въ заключеніе разсказовъ моихъ объ Иркутскѣ, упомяну и о тамошней природѣ. Она имѣетъ тамъ свои прелести и я, видѣвъ послѣ природу лучшихъ областей русскихъ, даже проживъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ Чернаго-Моря, не разлюбила природы иркутской. Особенно мѣстность самого Иркутска, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—несравненна. Окруженный съ трехъ сторонъ живописными, громадными горами, а съ четвертой окаймленный величайшею въ мірѣ рѣкою, Ангарой, онъ красиво раскинутъ на гладкой равнинѣ, пересѣкаемой еще двумя рѣками, Иркутомъ и Ушаковкой. Въ другихъ мѣстахъ и эти двѣ, довольно большія рѣки, почитались бы драгоцѣнными; но вливаясь въ Ангару, онѣ кажутся ручьями. Ангара изумительна своимъ многоводіемъ. Вытекая изъ Байкала, или Святаго - Моря, какъ называютъ его иные, она и подъ Иркутскомъ, уже пробѣжавъ около 60 верстъ, еще имѣетъ болѣе версты ширины, и быстрота ея такъ сильна, что на поверхности видны всегда волны, погоняющія другъ друга. Ангара очень глубока, но вода въ ней совершенно прозрачна, и сквозь нея видны всѣ камешки и даже травки на днѣ. Отъ такой глубины, быстроты и огромности, Ангара холодна и въ самые палящіе жары. О быстротѣ ея можно судить во время перевоза отъ одного берега къ другому, производимаго на большихъ гребныхъ судахъ, называемыхъ *карбасами*—судно относитъ на версту и болѣе внизъ, такъ-что его всегда тянутъ послѣ этого бичевою къ мѣсту пристани. *Рѣкостоѳомъ* называется замерзаніе Ангары, которое бываетъ рѣдко ранѣе половины декабря, хотя въ то время уже во всѣхъ окрестностяхъ господствуетъ настоящая зима. Только послѣ долгихъ и сильныхъ морозовъ на рѣкѣ появляются льдины, которыя постепенно дѣлаются больше, идутъ чаще, гуще, наконецъ сталкиваются, плывутъ громадою, и производятъ такой шумъ и ревъ, что на берегу рѣки нельзя разслушать самой громкой рѣчи. Борьба льдинъ оканчивается тѣмъ, что онѣ останавливаются и замерзаютъ въ самыхъ неправильныхъ неровностяхъ, такъ что въ иныхъ мѣстахъ выдвигаются громадами. Въ это время переѣздъ черезъ рѣку прекращается на нѣкоторое время, покуда не срубятъ и не сгладятъ на ней неуклюжихъ льдинъ.

Растительное царство въ Иркутскѣ и всей дальней Сибири, довольно бѣдно, потому-что лѣто тамъ кратковременно, а зимніе морозы такъ сильны, что ихъ не переноситъ ни одно нѣжное растеніе на открытомъ воздухѣ. Ранняя зима настаетъ въ Иркутскѣ съ половины октября, поздняя съ половины ноября; сильные морозы продолжаются постоянно до половины февраля, а иногда и далѣе. Весна наступаетъ быстро, какъ въ сѣверныхъ климатахъ, хотя Иркутскъ находится на одной широтѣ съ Кіевомъ. Въ Европейской Россіи, начало весны предвѣщаютъ жавороннки; но въ Иркутскѣ и его округѣ ихъ не бываетъ. Тамъ нѣтъ ни соловьевъ, ни даже чижиковъ. Изъ пѣвчихъ птицъ есть малиновки, зяблики, скворцы, клесты, щуры, иволги, синицы; есть еще птички, называемыя въ простомъ народѣ соловейками: онѣ меньше соловьевъ, но похожи на нихъ и поютъ очень-пріятно. Когда снѣгъ еще несовершенно сошелъ, первыя изъ отлетныхъ птицъ появляются плишки, красивыя птички, которыя есть почти во всей Россіи, и въ книжномъ языкѣ извѣстны подъ названіемъ «трясогузокъ». Гораздо позже прилетаютъ ласточки, что предвѣщаетъ уже теплую погоду. Вообще говорятъ: «ласточки прилетѣли, тепло будетъ». Ихъ вездѣ почитаютъ за птицъ благодатныхъ, предв-

станицъ счастья. Замѣчу мимоходомъ, что мы большею-частію смотримъ на природу равнодушно; а она всегда и вездѣ представляетъ множество предметовъ любопытныхъ, къ которымъ, кажется, трудно привыкнуть до равнодушія. Напротивъ, я понимаю, что не только ученому, но и самому простому человѣку можно и даже естественно пристраститься къ созерцанію явленій природы. Живя въ Сибири, я много разъ наблюдала быть ласточекъ. Особенно въ Иркутскѣ, эта милая, и, какъ почти вездѣ, неразлучная съ жилищами человѣка птичка, во многомъ не походитъ на ласточекъ другихъ мѣстъ Россіи. Тамъ она гораздо красивѣе: грудь и брюшко у нея покрыты прелестными перышками цвѣта неопредѣленно-розоваго съ оранжевымъ; крылья и головка сизо-черныя; на шейкѣ бѣлое пятнышко. Стрижи также родъ ласточекъ, но они совсѣмъ не такъ красивы: у нихъ грудь и брюшко бѣлыя, крылья и спинка сизо-черныя, но безъ двухъ раздвоенныхъ перышекъ въ хвостѣ, которые придаютъ такую оригинальность виду ласточки, и кажется способствуютъ быстротѣ ея полета. Извѣстно, что ласточка летаетъ съ быстротою стрѣлы, оборачивается въ воздухѣ съ чрезвычайною ловкостью, и большую часть времени проводитъ въ летаньи; она почти лишена способности ходить, и, садясь очень рѣдко на землю, едва передвигаетъ свои короткія ножки; но вспорхнувъ на воздухъ — она въ своей стихіи. Она можетъ быть названа по-преимуществу летучею птичкою. Ласточки вьютъ свои гнѣзда подъ крышами, въ углахъ или подъ окнами. Сперва веселыя гостьи какъ-будто все осматриваютъ, потомъ начинаютъ поправлять старыя гнѣзда или устроивать новыя. Онѣ занимаются этимъ съ такою неутомимою дѣятельностью, что въ три, четыре дня оканчиваютъ себѣ новое гнѣздо, искусно-слѣпленное изъ грязи, травокъ, и уложенное внутри мохомъ и отчасти мягкими перышками. Все это приносятъ онѣ издалека въ своемъ носикѣ, и потому безпрерывно подлетаютъ къ гнѣзду или отлетаютъ отъ него. Иногда, какъ-бы радуясь успѣшной работѣ, онѣ садятся гдѣ-нибудь подлѣ и распѣваютъ свои веселыя пѣсни. Пѣніе ихъ отличается какою-то роскошною, искреннею веселостью, и хотя многія птички поютъ гораздо лучше ихъ, но ни одна не поетъ такъ мило. На полетѣ, рѣя въ воздухѣ, онѣ также оглашаютъ его своимъ усладительнымъ щебетаніемъ. Когда гнѣздо кончено, самка кладетъ яйца и садится на нихъ, а самецъ безпрестанно летаетъ, приноситъ ей пищу, состоящую изъ разныхъ насѣкомыхъ, садится иногда возлѣ и утѣшаетъ свою подругу пѣніемъ, или на нѣсколько времени занимаетъ ея мѣсто, давая ей свободу порѣять въ воздухѣ. По выводѣ птенцовъ, самецъ и самка оба приносятъ имъ пищу, безпрестанно подлетая къ гнѣзду. Когда дѣти ихъ выростутъ, наконецъ, такъ, что могутъ вылетѣть изъ гнѣзда, они сначала перелетаютъ только на крышу того строенія, гдѣ ихъ гнѣздо, и тамъ, небольшими перелетами какъ-бы испытываютъ свои силы. Черезъ нѣсколько времени начинаютъ и молоденькія ласточки рѣять въ воздухѣ и находить сами себѣ пищу. По окончаніи лѣта, ласточки готовятся къ отлету, собравшись многочисленными стаями, и нѣсколько дней какъ-будто упражняютъ въ томъ молодыхъ. Усѣвшись тысячами на какомъ-нибудь большомъ зданіи, онѣ съ пѣніемъ и чириканьемъ вспархиваютъ, летятъ въ одну сторону, и возвращаются на прежнее мѣсто. Замѣчательно, что вообще онѣ прилетаютъ весною и улетаютъ въ концѣ лѣта не вдругъ, а по замѣчанію старожиловъ, въ три раза. Раннія выводятъ дѣтей раньше и раньше отлетаютъ; другія дѣлаютъ то же позже. Въ Иркутскѣ увѣрены, что отлетъ ихъ бываетъ постоянно 1-го, 6-го и 15-го чиселъ августа, т. е. въ спасовы дни. Не могу подтвердить, точно ли въ эти дни, но я сама много разъ видѣла, какъ, около означеннаго

времени, въ срокъ отбытія ихъ, стая, готовая летѣть, усаживается рядами по кровлямъ и заборамъ—будто наблюдая старинный русскій обычай садиться передъ отбытіемъ въ путь,—потомъ подымаются всѣ, летятъ и исчезаютъ въ отдаленіи. Въ Сибири простолюдины говорятъ, что ласточки улетаютъ *на теплыя воды*; не знаю также, съ чего взяли, будто усталыя изъ нихъ садятся на спину лебедей. Въ Россіи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, не случалось замѣтить въ ласточкахъ такой общежительности и домовитости, какою отличаются онѣ въ Сибири, или лучше сказать, въ Иркутской-Губерніи. Любопытно, что описанныя мною ласточки, отличныя отъ русскихъ ласточекъ своимъ розово-оранжевымъ брюшкомъ и такою же грудью, встрѣчаются только по рѣку Канъ, бывшую границу Иркутской-Губерніи—по другую же сторону рѣки встрѣчаются уже обыкновенныя ласточки. Ловкость и быстрота ласточекъ всего лучше бываетъ видна, когда онѣ окружаютъ ястреба, врага своего. Безчисленное множество слетается ихъ вокругъ него, чирикаютъ, вьются вокругъ, но никогда не удается ему схватить или зашибить ни одной изъ нихъ. Какія хитрости употребляетъ онъ — и все напрасно! Иногда онъ бросится въ толпу ихъ, внизъ, вверхъ, по всѣмъ направленіямъ, но онѣ мгновенно разсыпаются, и тотчасъ опять окружаютъ его. Иногда, будто утомившись, онъ тихо полетитъ отъ нихъ прочь, и онѣ толпою преслѣдуютъ его, какъ вдругъ онъ обернется, молніей кинется на нихъ— и всегда неудачно. Ласточки издревле любимы нашимъ народомъ: никогда и нигдѣ не дѣлается имъ ни малѣйшаго вреда; напротивъ, почитается добрымъ предвѣстіемъ, когда онѣ во множествѣ поселяются въ домѣ. Желая похвалить женщину или дѣвицу, говорятъ: ласточка-касаточка. Въ пѣсняхъ часто упоминается о ласточкахъ. Домъ, хорошо устроенный, называется ласточкинымъ гнѣздышкомъ. Державинъ описалъ ласточку въ особомъ стихотвореніи. Но гдѣ онъ встрѣтилъ ее въ Россіи съ *красно-бѣлою* грудью? Не на дальнемъ ли сѣверѣ, въ Олонецкой или въ Архангелогородской Губерніи? Можетъ-быть, тамъ она похожа на иркутскую.

К. Авдѣева.

●

Уральскія пѣсни (*).

I.

Какъ на Волгѣ, да на Камышенкѣ,
Казаки́ живутъ, люди вольные;
У каза́ковъ былъ атаманушка —
Ермакомъ звали Тимоѳѣичемъ.
Не злата́ труба вострубила имъ,
Не она звонко взговорила рѣчь —
Взговорилъ Ермакъ Тимоѳѣевичъ:
«Казаки́, братцы, вы послушайте,
Да мнѣ думушку попридумайте.
Какъ проходитъ ужь лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная —
Куда жь, братцы, мы зимовать пойдемъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть!
На Яикъ идти — переходъ великъ!
На Казань идти—грозенъ царь стоитъ—
Грозенъ царь Иванъ сынъ Васильевичъ!
Онъ на насъ послалъ рать великую,
Рать великую въ сорокъ тысячей!..
Такъ подумайте жь, мы—да возьмемъ Сибирь:
Покоримтесь мы Царю-Бѣлому,
Царю-Бѣлому православному,
Мы снесемъ къ нему свои головы,
Свои головы — все повинныя!»

—

(*) Эти пѣсни слышаны и записаны въ землѣ Уральскаго Казачьяго войска членомъ Русскаго Географическаго Общества М. Н. Иваниным, который и доставилъ ихъ въ редакцію «Отечеств. Записокъ».